

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Казнь в прямом
эфире

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *В. Щербакова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Казнь в прямом эфире / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2026. —
320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-238290-1

В подмосковном пансионате совершает самоубийство крупный бизнесмен Александр Дьяков. При этом весь процесс он транслирует в прямом эфире через социальную сеть, каясь на камеру в своих грехах. В течение последующей недели похожим способом уходят из жизни политический деятель и популярный блогер. И тоже — с прощальными просьбами о прощении. Полковники МВД Гуров и Крячко предполагают, что в городе объявился маньяк, толкающий влиятельных персон на такой необычный шаг. Просматривая камеры видеонаблюдения в местах, где были обнаружены трупы, оперативники замечают, что в определенное время кто-то неизвестный вручает жертвам странные посылки. Какая между этим связь, сыщики догадываются только тогда, когда становятся свидетелями очередного суицида...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238290-1

© Макеев А.В., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Когда отпуск подходит к концу, зачастую испытываешь смешанные чувства. С одной стороны, возникает грусть с нотками апатии, ведь тот день, когда ты только накинул на свои плечи мантию легкости и свободы от бытовых дел, работы и обязанностей, уже, к сожалению, не вернуть, да и потихоньку голову начинают посещать раздражающие мысли о погружении в ежедневную рутину. С другой же стороны, если отпуск прошел наилучшим образом, то, когда подводишь итоги в последний день, сбор чемоданов сопровождается внутренним удовлетворением от хорошо проведенного времени и насыщением от полученных впечатлений...

Семь дней в пансионате «Былина» пролетели для полковника Гурова как один миг. Расположившись в деревянных шезлонгах с мягкой подстилкой возле специально отведенной зоны для костра, компания, потягивая легкие коктейли, любовалась заливом,

и каждый делился тем, что ему полюбилилось за время отпуска больше всего.

— Ох, Наташ, мало все-таки мы с тобой в кедровой бочке посидели, мало! — посетовала Маша, обращаясь к супруге Станислава Крячко.

— Да-да! А какие у них масочки хорошие! Заметила? У меня прям лицо подтянулось, кожа гла-а-адкая!

Стас, прищулив правый глаз, смотрел куда-то неопределенно в даль, вероятно, любуясь персиковым небом и солнцем, что лениво катилось по наклонной, постепенно укрывая небосвод одеялом ночи. Услышав восторг супруги, он крякнул:

— Ага, как у младенца! Хорошо, хоть эти маски три раза в день лепили, а не пять, а то бы сегодня в баре у тебя паспорт потребовали.

Все трое посмеялись, а Наталья засмушалась.

— А мне бассейн понравился, они его температуру, как я понял, регулируют в зависимости от погодных условий. Вот бы сюда еще зимой приехать, испробовать, так сказать.

— А ты, Лев, что молчишь? Хмурый какой-то сидишь... — обеспокоенно поинтересовалась Маша. — Неужели ничего не приглянулось?

— Массаж, наверное, возраст уже как-никак... — отрешенно буркнул полковник.

Позитивный настрой был у всех, кроме Льва Ивановича. Расположившись полусидя в шезлонге, он с каждым мигом все больше испытывал нарастающее напряжение, а веселый флер беседы для него испарился уже минут десять как. Внутри засело то самое чувство, которое возникает каждый раз, когда предчувствие подсказывает: что-то не то, что-то не в порядке. И за десятки лет работы в структуре правоохранительных органов Гуров привык не отмечать в сторону свою чуйку, а прислушиваться к внутреннему ощущению, которое не раз его выручало. Солнцезащитные очки полковник снял и внимательно следил за обстановкой в поле зрения, но все было вроде как спокойно и ничто не угрожало компании. Его неприкрытая собранность передалась Стасу.

— Дружище, увидел чего?

Гуров неопределенно качнул головой, еще раз проверил горизонт и, не обнаружив ничего странного, в итоге все же решил подавить в себе чувство беспокойства.

— Послезавтра на работу, Лев! Послезавтра, — выделил, жестикулируя руками, Стас. — Здесь все спокойно и нет никакой опасности, а нашим дамам, рядом с которыми два прожженных опера, и подавно ни-

чего не угрожает! Так что все, бодрись давай и возвращайся на нашу FM-волну — последний день отпуска!

Возникла неловкая пауза, ибо все ожидали ответа от Гурова, но он молчал. Что-то ему все равно не давало покоя. Может, как-то странно суетящиеся сотрудники, внезапно активизировавшиеся на территории? Или, возможно, заезжающие на территорию пансионата элитные автомобили в неположенное для приема отдыхающих время?

В итоге Мария перевела все внимание на себя, спасая ситуацию. Актриса стала читать стихи и монологи из спектаклей, которые приятно дополнили обстановку и сгладили всю неловкость, не оставив и следа от былой неуютности. Разговор плавно перетек в воспоминания и рассказы о курьезных случаях из жизни. Возле ласкающего слух потрескивающего костра, выпускающего в потемневшее небо всполохи оранжевых искр, на площадке стал раздаваться приглушенный смех.

— Лев, а ты помнишь, как мы приехали по вызову в магазин канцтоваров, где произошло ограбление? Заглядываем в кассу, а там записка!

— Конечно, помню.

— А что было в записке? — поинтересовалась Наталья.

Гуров, подавив смешок, ответил:

— «Извините, я тут взял чуть-чуть. Верну через неделю! Спасибо!»

Маша и Наталья похихикали. Лев продолжил:

— А как Гришаню, нашего криминалиста, разыграли?

— В который из всех раз? — ухмыльнулся Стас.

— С бланками.

Стас поднял глаза к небу, копаясь в закоулках памяти, после чего, сжав губы и пожав плечами, как бы намекнул, что не припоминает.

— Мы объявление распечатали и на нашем этаже развесили. Те, кто посмекалистее, сразу поняли, что это липа, ведь «в соответствии с указаниями прокуратуры первого апреля две тысячи...».

— А-а-а! Вспомнил! — всплеснул руками Стас, хохоча.

— Да, что с сегодняшнего дня все заявления и обращения принимаются исключительно на бланках установленного образца, а именно в виде триколора. Кто-то сперва отчаянно искал такие бланки, ведь у нас же образцовое учреждение, мол, должны были подготовить все заранее! Кто-то сам стал рыться в интернете, где такой скачать и распечатать... А потом коллективно уже догада-

лись, когда в самом низу объявления наши с тобой подписи разглядели и вспомнили, что первое апреля на календаре.

— И лишь один Гриша-а-аня... — вытирая слезы в уголках глаз и насилу унимая хохот, поддержал коллега.

— Досиделся в своей каморке до конца дня, промучился в текстовых программах, сделал сам образец бланка, аккуратно заполнил по всему, что успел за день сделать помимо этого, и с десятков нам с тобою лично приволок.

Супруга Крячко шутливо возмутилась:

— Ну вот, вы своим ребячеством чело- века от работы отвлекли! Он старался, а вам лишь бы повеселиться!

— Да брось, Наталья. Гришка у нас не обидчивый, да и сам сказал, что заполнял все равно не он, а его подручный, которого из колледжа прислали практику проходить, а этим ребяташкам только в плюс в докумен- тах покопаться.

— Мы ему грамоту купили, подписа- ли шуточно «за трудолюбие и ответствен- ный подход к делу». До сих пор у него над столом почетно висит. Зато есть что вспом- нить!

Мария, до того мечтательно разглядыва- ющая огонь, решила добавить свою исто- рию, мило смеясь:

— Ну, это хотя бы не ветрянка на Новый год...

— Ветрянка? — удивилась Наташа.

— Да, в начале своей карьеры я под Новый год со своим коллегой из театра подрабатывала Снегурочкой, а он, соответственно, был Дедом Морозом. Так вот, тридцатое декабря, за окном уже глубокий вечер и последняя квартира в нашем списке. Заходим к заказчику, начинаем поздравлять и видим, что ребенок-то едва ли не весь в зеленке! Андрей, коллега по цеху, пытаюсь меня успокоить, сперва шептал: мол, не волнуйся, может, костюм такой, грим, маска... Но, увы! Мы, конечно, не теряя лица и не выходя из роли, ребенка поздравили — а куда деваться? Да и родители к тому же сами были опечалены, извинялись, говорили, что буквально утром обсыпало и им уже самим не до праздника, намучились с пацаном. А телефоны же тогда только стационарные были, оповестить нас — дело нелегкое, линия из-за праздника напрочь занята. Вот так я и отмечала Новый год в компании только Льва и Стаса, которые переболели давно и не могли заразиться, — будучи сама в зеленый горошек. Даже фотка где-то в фотоальбомах сохранилась, но я ее подальше убрала.

Крячко подытожил:

— Так год Змеи встречали, Маша, маскировка-то в тему была!

Все вновь рассмеялись. Маша сфотографировала окружающую их природу, а после, подкрутив какие-то ползунки при редактировании кадра, выставила фото на свою личную страницу в социальной сети и предложила мужу:

— Давай и тебе заведем страницу, а? Я уже который раз предлагаю, а ты все отказываешься.

Гуров отмахнулся:

— Ну, право слово, Маша, не люблю я всю эту публичность. Мне и по статусу не положено.

— Лев, даже у меня есть страница, я ею хоть и не активно пользуюсь, но бывает, в каких-то сообществах новости удобно читать, — поддержал Машу Стас.

— А ты ничего и не выставляй! Ну, фотографии природы, вот, на отдыхе мы, почему бы не поделиться со знакомыми? А я тебя в друзья добавлю, — не отступала Мария.

Гуров нахмурился, но все же сдался. Победоносно взвизгнув, женщина полностью погрузилась в телефон.

Коктейли почти закончились, и вся атмосфера располагала к отходу ко сну. Только компания засобиралась разбредаться, как Гуров увидел нервно семенящего к ним по вы-

мощенной дорожке сотрудника пансионата. Плотного телосложения парень, шевелюра которого чересчур была покрыта гелем для укладки, отчего каждая прядка каштановых волос неприлично лоснилась, ловко юркнул на возвышение, после чего оказался возле шезлонгов, наблюдая недоумевающие лица.

— Добрый вечер, уважаемые дамы и господа. Меня зовут Юрий, я администратор пансионата «Былина». Извините, пожалуйста, за беспокойство и нарушение вашего времяпрепровождения, — борясь с отдышкой, лепетал он, — но в нашем пансионате произошел некоторый инцидент. В связи с этим мы просим всех наших гостей пройти в свои номера и не выходить из них до... примерно семи-восемью утра...

Гуров накупился. Маша и Наталья едва ли не в один голос воскликнули:

— А как же ужин?

Юрий обезоруживающе выставил перед собой ладони, оправдываясь:

— За ужин, прошу, не беспокойтесь. Все, что есть в меню, которое уже ждет вас на столике возле входной двери, вы можете заказать себе прямо в номер.

— Это за ваш счет? — уточнила нахмуренная Наташа.

— Конечно! Аналогично тому, как если бы вы пришли на ужин, где вас ждал швед-

ский стол! — рассыпался в извинениях сотрудник пансионата.

— Принято, Юрий, — сурово ответил Гуров, вставая и подавая руку супруге, — но мы к вам еще подойдем.

— Нет-нет, я вас настоятельно прошу не покидать свой номер...

Не дав парню договорить, Гуров отрезал:

— Юрий, вы сейчас разговариваете со старшими оперативными уполномоченными по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Российской Федерации. Уж поверьте, мы не только покинем свой номер, после того как проводим своих жен, но и выясним, что у вас здесь произошло и чем вызван сей переполох.

Женщины собирали в сумочки вещи с лежака и ожидали своих сопровождающих. Юрий же, услышав, кто именно предстал перед ним, слегка побледнел, но через минуту будто опомнился и крикнул уже в спину уходящим:

— Не забудьте, пожалуйста, удостоверение и ключ-карту! У нас сегодня перебои с доступом!

За весь день в выделенный номер супруги не наведывались, и за это время в помещении успели провести уборку, потому, войдя, они ощутили запах моющих средств и ароматиза-

тора с ванильными нотами. Скинув одежду, пропитанную запахом дыма от костра, наскоро приняв душ и облачившись в чистое, Гуров уже был на пороге, кладя в бумажник карточку, когда его окликнула Мария:

— Зачем представился? Предупрежден — значит вооружен? Ты же сам помнишь, сколько у вас было случаев, когда сами сотрудники воротили черт-те что...

Покачав головой, Гуров снял почти надевший ботинок и прошел обратно в комнату.

— К чему ты клонишь?

— Предоставил ему время и возможность, чтобы замести следы всего, что произошло.

— Ну, во-первых, мы еще не знаем, произошло ли вообще что-то, а во-вторых, от нас вряд ли скроются интересные детали. И судя по опыту, все дела, которые мы ведем со Стасом, подходят к логическому завершению, а преступники не остаются безнаказанными.

Мария тяжело вздохнула:

— Я про улики или те же самые предупреждения друг друга. Дело о пропавшем официанте помнишь? Полгода назад, когда коллеги покрывали друг друга, например...

Лев Иванович не стал дослушивать размышления жены и, поглядывая на циферблат наручных часов, мягко пояснил:

— Дорогая, если тебе требуется помощь в театральных делах, что ты делаешь?

Мария нахмурилась, поняла, куда ведет супруг, но не ответила.

— Вот так же и я, если мне потребуется помощь опытного сыщика, обязательно обращусь к своему напарнику. Нам, в конце концов, за это деньги платят, и в трудовой пометка есть. А твое дело, творческая душа, на сегодняшний вечер — отдыхать и набираться вдохновения.

— Мы же хотели посмотреть какой-нибудь фильм, а тут как раз такая возможность: на территории никто не будет шастать, за окном — тишина, в номер закажем что-нибудь вкусненькое... — по-театральному обиженно протянула она.

Лев Иванович поджал губы, видя, как в глазах супруги плещется обида, подошел, присел рядом и обнял.

— Постараюсь быстро. Разузнаю, что там да как, и вернусь.

— Не больше получаса! — капризно проговорила Маша.

— Час, — серьезно заявил Гуров.

— Договорились. Возьми с собой куртку.

— Там не так уж и холодно, накину пуловер.

Мария раздраженно заметила:

■ — Ну, смотри... Я предупреждала!

Уже в дверях Гуров добавил:

— Закажи что-нибудь на свой вкус и не скучай.

На всю округу навалилась тяжелая ночь. Листочки неумолимо срывались с календаря, с каждым днем приближая наступление осени, но в последние недели августа еще была возможность насладиться летним теплом. Небо здесь было особенно звездным. Казалось, словно на растянутом темно-синем куске ткани кто-то щедро наделал дырок разного размера, и сквозь них просачивалось сияние мириад огоньков. Воздух ощущался влажным из-за близости залива, в это время суток с той стороны веяло также легкой прохладой, оттого хорошо было бы накинуть на плечи кардиган или пуловер. Собственно, так Гуров и поступил, защищая от ночного холода потянутые две недели назад в тире мышцы спины. Благо эффект от массажей оказался быстрым, и щемящая боль отступила, однако поберечься стоило.

О месте встречи они с Крячко не договаривались. Но, словно сговорившись, оба полковника подошли к центральному корпусу, откуда уже вдвоем пошагали к одному из двадцати домиков-шале, где среди величавых сосен виднелась толпа, судя по издаваемым звукам, точно чем-то неудовлетворенная.

В основном в пансионате гости отдавали предпочтение отдельно стоящим в лесу недавно построенным небольшим, примерно сорок квадратных метров, домам в один или два этажа с панорамными окнами и террасой с мангальной зоной. Но были и старенькие корпуса со стандартными номерами, которые оказывались более доступными по карману, нежели шале. Это место для отдыха славилось также проводившимися с помпезностью днями рождения и свадебными торжествами. Гуров с Крячко как раз сейчас проходили мимо пышно украшенной пионами свадебной арки, которую еще не успели убрать после вчерашнего праздника. Многие гости, включая молодоженов, еще не успели разъехаться, а потому первое подозрение, закрававшееся в голову Гурова, было связано с новобрачными.

— Что случиться-то могло?.. — риторически спросил Стас.

— Не знаю. Вчера все тихо-мирно прошло, да и ребята все хоть и молодые, но не буйные, — произнес Лев Иванович.

Крячко предположил:

— Что ж, тут два варианта, — предположил напарник, — либо брачующиеся поспешили на ведущего и заказали тамаду, ■ отчего гостям пришлось страдать, участвуя

в конкурсах типа попадания привязанным к бедрам карандашом в горлышко бутылки, либо...

Лев Иванович молча шел по тропинке, перешагивая через выпирающие корни деревьев и вглядываясь в проторенный путь, слабо освещаемый по краям садовыми фонариками.

— Либо вспоминается случай трехлетней давности, когда тебя Золотарев позвал на свадьбу, а там отца невесты в саду с заточкой в сердце нашли. Дело было, конечно, некрасивое. «Невеста всех краше была-а-а...» — нараспев шуточно протянул Стас строчку из песни.

Гуров прервал молчание:

— Я тебя столько лет знаю, а ты все не перестаешь удивлять меня.

— Ты о чем?

— И в юморе талантлив, и опер здоровый, а тут еще и певческие способности раскрылись.

Оба остановились, издали наблюдая за происходящим и сравнивая, изменилось ли настроение толпы.

— Я еще не то могу! В нашей службе насмотришься, наслушаешься и нахватаешься, а потом в итоге ты и швец, и жнец, и...

— Певец.

Стас приглушенно засмеялся.

— Лев, глянь, «карета», однако, на месте. Похоже, дело худо?..

Недалеко от шале с семнадцатым номерным знаком была припаркована машина «Скорой помощи» и автомобиль полицейских, которые, видимо, недавно подъехали и только сейчас погасили проблесковые маячки.

— Не гони лошадей. Дойдем, зайдем, узнаем.

Как только напарники добрались до нужного места, путь им преградил высокий мужик в полицейской форме, но заминка вышла короткой. Оперативники «посветили» удостоверениями. Одобрение контролирующего позволяло пройти дальше, но они решили заранее разузнать общую информацию, так сказать, на берегу.

— Тихо-мирно отпуск проводили, думали, хоть здесь работа нас не коснется, ан нет. Что произошло-то? — начал издалека Станислав.

Признаться, Крячко был хорош в забалтывании людей и втягивании в беседу, ведь многие, даже те, кто работает в их структуре и по той же специальности, порою отказываются обмениваться информацией, деля, разумеется, коллег на «своих» и «чужих», при этом забывая, что перед ними сотрудники

■ из главка. Но для опера Крячко было только

в радость зайти в разговоре «с самого леса» и выудить то, что нужно ему, не позволив даже опомниться.

Долговязый полицейский почесал затылок, отчего форменная фуражка на его голове задвигалась, и, почему-то озираясь, нехотя ответил:

— Вроде несчастный случай. Что к чему здесь и зачем после свадьбы — черт его знает. Нам примерно полчаса назад маякнули, мы пока по пробкам сюда догребли, он уже холодный.

— Жених, что ли?

— Нет, гость.

— Ребята вроде как все хорошие, свадьбка только вчера отгремела, культурно отдыхали, другим не мешали... А кто такой будет?

Страж порядка потоптался на месте, еще раз недоверчиво взглянул на Гурова и Крячко, прищурился.

— А вы точно... ну, это... наши будете?

Стас тоже прищурился, и на его лице появилось выражение удивления. В полутьме при движении поблескивали звезды не только на ночном небе.

— А ты точно старший лейтенант?

Собеседник, вероятно, не почуял тонкой иронии Крячко.

— Я-то? Я — да!

Сгорбив плечи, словно его сковывал холод, он все же сдался.

— Александр Пожарский, как заявлено. Шишка важная очень.

— Политик, что ли? По базе пробивали?

— Нет, вроде как бизнесмен. Отец ему оставил после смерти несколько заводов — что-то с нефтью связано, короче, сынок богатенького папочки. — После этих слов полицейский звучно вдохнул носом воздух, шмыгнул и сплюнул резко вбок. — Терпеть таких не могу.

— Каких?

— А таких, которым все на блюдечке с золотой каемочкой подают. Слащавые, пороха не нюхали, жизни не знают. Чаше всего сами палец о палец не ударили, а ведут себя так, будто короли этой жизни.

Крячко разговор не понравился.

— А ты, значит, за жизнь знаешь, братец?

— Да уж побольше этого. — Он указал подбородком в сторону шале, ставшего последним пристанищем в жизни человека, о котором шла речь.

Стас недовольно покачал головой и, уходя, пробубнил под нос:

— Какие все сплошь умные нынче, жизнью закаленные. — После чего добавил: —

■ Аж плюнуть хочется.